

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

СКАЗКА О ДОГАДЛИВОМ МУЖИКЕ

Среди пушкинских рукописей болдинской поры (1830) сохранился черновой автограф зачина сказки о зверях («Как весенней теплою порою...»), впервые опубликованный П. В. Анненковым в 1855 году. Нельзя сказать, что этот набросок был обойден вниманием в пушкиноведении¹. Еще Ф. М. Достоевский заметил:

В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом *взаправду*, доходящее в нем до какого-то простодушного умиления. Возьмите Сказание о медведе и том, как убил мужик его боярыню-медведиху, или припомните стихи:

Сват Иван, как пить мы станем, —
и вы поймете, что я хочу сказать.²

В. Ф. Миллер видел в пушкинском наброске «такое же художественное собрание в один фокус народных красок, запечатлевшихся в богатой памяти поэта, как и в прологе {...} к “Руслану и Людмиле”»³.

¹См.: *Желанский А.* Сказки Пушкина в народном стиле. М., 1936 (глава «Загадки “Медведихи”»); *Волков Р. М.* Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960 (глава «Сказка о медведихе»); *Зуева Т. В.* Сказки Пушкина. Книга для учителя. М., 1976 (глава «Сказки первой Болдинской осени»).

²А. С. Пушкин: Pro et contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценках русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. СПб., 2000. С. 161.

³*Миллер В. С.* Пушкин как этнограф // Этнографическое обозрение. 1899. № 1. С. 178.

К настоящему времени обнаружены народно-поэтические и литературные источники всех остальных пушкинских сказок. Очевидно, таковой существовал и для болдинского наброска⁴, истоки которого следует искать в сюжетике животного эпоса. Не кажется убедительной точка зрения об исчерпанности («абсолютной художественной целостности») данного замысла, якобы не предполагавшего дальнейшего фабульного развития. Черновой автограф ПД 929, занимающий целиком лицевую и оборотную стороны листа большого формата, не помечен знаком концовки, и оставленные чистыми следующие листы свидетельствуют лишь о начале работы над произведением.

В черновой рукописи зачеркнута строка «Есть место на земле», под которой рисуются кот и петух, и очевидно, в процессе этой зарисовки возник замысел сказки о животных. Открывалась она, однако, сценой противоборства мужика со зверем, которая вначале была более динамичной:

Отколь ни возмись мужик идет
С булатным ножом за поясом
А во руках держит рогатину —
А мешок-то у него за плечьями —
Как завидела медведиха
Мужика с рогатиной
Заревела медведиха
Поднялася на дыбы чернобуряя

⁴ Ряд исследователей считает (но это противоречит обычной сказочной практике Пушкина), что данный замысел был вполне самостоятельным, не предполагавшим никаких традиционных фабульных параллелей. См.: *Слонимский А.* Мастерство Пушкина. М., 1959. С. 420; *Леонова Т. Г.* Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке (поэтическая система жанра в историческом развитии). Томск, 1982. С. 39; *Поддубная Р.* Творчество Пушкина Болдинской осени 1830 года как проблемно-художественный цикл // *Študia rossica posnaniensia*. Zesk. 12. 1979. С. 11.

А мужик-от он догадлив был
Он пускался на медведиху
Он сажал на рогатину
Что ниже сердечушка
Он валил ее на сыру землю
Он порол ей брюхо...

Эпизод этот подвергнут тщательной обработке, в частности, на левом поле страницы появляется призыв медведихи к медвежатущкам:

...Становитесь, хоронитесь за меня
Уж как я вас мужику не выдам
И сама мужику выем... (III, 503).

Здесь угадывается явственная отсылка к скоморошине «Дурень» из сборника Кирши Данилова:

Схватал его медведь-от,
зачалдрати,
и всего ломати,
и смертно коверкать,
и жопу выел⁵.

У Пушкина же это осталось пустой угрозой. Мужик у него — вовсе не дурень (ср.: «А мужик-от он догадлив был»), он выходит из схватки победителем.

Вряд ли можно считать удачным общепринятое редакторское название пушкинского произведения «Сказка о медведихе». Это, конечно, *сказка*, которую можно понять (и продолжить!), обратившись к традиционным мотивам животного эпоса. Но почему только «о медведихе»? Описание ее гибели — лишь экспозиция повествования.

Черновой набросок Пушкина исчерпывается двумя начальными сюжетными ситуациями: рассказом об убийстве медведихи мужиком и описанием схода зверей. Модель

⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000. С. 335.

же колоритного пушкинского перечисления зверей обнаружена⁶ в «Старине о птицах»:

...Все птички на море большие,
 Все птички на море меньшие.
 Орел на море воевода,
 Перепел за морем — подъячий,
 Петух на море целовальник (...)
 Гуси на море — бояре,
 Утята на море — дворяне,
 Чирята на море — крестьяне,
 Воробьи на море — холопы (...)
 Ворон на море — игумен:
 Живет он всегда позади гумен...⁷

Пушкин заменяет птиц исключительно зверями, надеясь их краткими социальными определениями.

Тональность пушкинской сказки определяется прежде всего «речевым» («сказовым») стихом, восходящим к скорморошинам:

⁶См.: *Азадовский М. К.* Источники сказок Пушкина // *Азадовский М. К.* Литература и фольклор. Л., 1938. С. 99; *Новиков Н. В.* Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. Л., 1961. С. 121; *Пропн В. Я.* Русская сказка. Л., 1984. С. 70. М. К. Азадовский (с. 102) также указал текст, напечатанный в 1872 году Гильфердингом, в котором упоминаются вслед за птицами и звери, — в частности, медведь («кожедерник») и волк («овчинник»). Эта песня «Протекало теплое море...», вероятно, была известна Пушкину, так как упоминалась в предисловии Н. И. Гнедича к переведенным им песням греков (см.: *Ковник В. А.* Фольклорные истоки «Сказки о медведихе» // Университетский Пушкинский сборник. М., 1999. С. 185).

⁷Народно-поэтическая сатира. Л., 1960. С. 61–62. От этой старины отталкивался А. П. Сумароков (по другой версии, Ф. Г. Волков) в сатирическом «Хоре ко превратному свету»: Прилетала на берег синица, / Из-за полночного моря, / Из-за холодна океяна: / Спрашивали гостейку приезжу, / За морем какие обряды... (*Сумароков А. П.* Стихотворения. Л., 1933. С. 312). Данная перекличка

В ту пору звери собиралися
Ко тому ли медведю, к боярину,
Прибегали звери большие,
Прибегали тут зверишки меньшие.
Прибегал тут волк-дворянин,
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходил тут бобр, богатый гость,
У него-то бобра жирный хвост.
Приходила ласточка дворяночка,
Приходила белочка княгин(ечка),
Приходила лисица подьячиха⁸,
Подьячиха, казначеиха,
Приходил скоморох горностаюшка⁹,
Приходил байбак тут игумен,
Живет он байбак позадь гумен.
Прибегал тут зайка-смерд,
Зайка бедненькой, зайка серенькой.
Приходил целовальник еж,
Всё-то еж он ежится,
Всё-то он щетинится (III, 505).

Особо следует отметить здесь наличие рифм и рифмоидов, которые Д. С. Лихачев справедливо оценивает в качестве проявления словесного балагурства:

отмечена в кн.: *Леонова Т. Г.* Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке. Томск, 1982. С. 41—42.

⁸ В черновике намечалось продолжение: «У лисички походочка...», — а рядом с этой строкой нарисована лисья морда. Такое внимание к лисице не случайно: в сказке о зверях она часто выступает хитрой советчицей. О подьячих же (приказных служителях, «крючках») народ судил всегда саркастически: «У подьячего светлая пуговка души заместо», «Подьячего бойся и лежачего», «У подьячего локти на отлете», «Подьячий и со смерти за труды просит» и т. п. (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. СПб.; М., 1882. С. 219).

⁹ Вероятно, вспомнил о скоморохе Пушкин здесь не случайно. В черновике сначала намечалось: «купчик горностаюшка», «ярыжка горностаюшка».

Рифма (особенно в раешном или «сказовом» стихе) создает комический эффект. Рифма «рубит» рассказ на однообразные стихи, показывает тем самым нереальность изображаемого. Это все равно, как если бы человек ходил, постоянно пританцовывая. Даже в самых серьезных ситуациях его походка вызывала бы смех. «Сказовые» (раешные) стихи именно к этому комическому эффекту сводят свои повествования. Рифма объединяет разные значения внешним сходством, оглушает явления, делает схожим несхожее, лишает явления индивидуальности, снимает серьезность рассказываемого, делает смешным даже голод, наготу, босоту¹⁰.

Если оценивать пушкинское описание сбора зверей лишь как пародию на торжественное поминание «боярыни-медведихи», то сюжет произведения действительно был близок к завершению.

Но Пушкину были знакомы и литературные источники описания звериного схода, суда, совета. Прежде всего, это обычная басенная ситуация, таящая комическое фабульное развитие¹¹. Известен также интерес поэта к старофранцузской поэме «Роман о Лисе»¹² и к ее переводу-переделке

¹⁰ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 21.

¹¹ Ср.: «В этой связи поучительна история с атрибуцией одной из ранних работ художника В. А. Серова, которая при первой публикации, в 1951 году (в альбоме «В. А. Серов. Рисунки к басням Крылова»), сопровождалась упреком комментатора: рисунку, по мнению искусствоведа, недостает динамичности, столь характерной для басенного жанра. Спустя десятилетие С. Г. Арбузов доказал, что этот рисунок пером относится не к басне Крылова «Мор зверей», а к пушкинской «Сказке о медведихе»» (*Медриш Д. Н.* «Сказка о медведихе» А. С. Пушкина в свете народно-поэтической традиции // Скафтымовские чтения: Материалы науч. конф. Саратов, 1993. С. 88).

¹² Сохранился пушкинский перевод поэмы со старофранцузского на современный французский язык (см.: Рукою Пушкина. М., 1997. С. 65–82). «Прелесть этого рассказа {...}, — замечал

Гете «Рейнеке-Лис». Еще в письме к Рылееву от 25 января 1825 года поэт писал:

Бест.(ужев) пишет мне много об Онегине — скажи ему, что он не прав: ужели хочет он изгнать всё легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? следственно должно будет уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Pucelle, и Вер-Вера, и Рейнике-фукс, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc. etc. etc. etc... Это немного строго (XIII, 134).

В черновике же статьи «О ничтожестве литературы русской» (1834) Пушкин заметит:

Германия (что довольно странно) отличилась сатирой, едкой [сильной], шутливой, коей памятником останется Рейнике-Фукс (XI, 306).

В поэме Гете неоднократно описывался и сбор зверей, предваряющий очередной фабульный поворот:

...Бэллин-баран тут напомнил: «Пора начинать заседание».
Изегрим-волк подошел, окруженный роднею, кот Гинце,
Броайн-медведь да и множество прочих зверей и животных:
Болдевин был там — осел, и Лямпе — знакомый нам заяц;
Дог, по имени Рин, и Викерлис, бойкая шавка;
Герман-козел вместе с козочкой Метке, и белка, и ласка,
И горноста́й. Пожаловал бык, да и лошадь явилась...¹³

Нам представляется, что сама ситуация схода зверей, намеченная Пушкиным, предполагала избрание мстителей. (Неужели медведь-бойрин мог ограничиться лишь плачем по своей жене и детушкам?) Едва ли они, однако, оказались бы победителями в схватке с мужиком. «Ударная сила» сказки о животных, как справедливо отмечает

Э. Б. Тайлор, — заключается преимущественно в остроумном сочетании свойств животного со свойствами человека» (Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1980. С. 202).

¹³ Гете И. В. Рейнеке-лис / Пер. Л. Пеньковского. М., 1984. С. 51.

современный исследователь, «остаётся в комических сюжетных ситуациях»¹⁴.

С этой точки зрения интересен отмеченный выше пушкинский рисунок, предваряющий черновую рукопись сказки. Как петух, так и кот в некоторых народных сказках пугают зверей (в том числе медведя), обращая их в бегство. Возможно, вначале Пушкину и мыслилась подобная ситуация. Но в написанном тексте оказались отчетливо выделенными два антагониста — мужик и медведь. Очевидно, именно их столкновением и должен быть завершён фабульный конфликт. Сверяясь с типовым указателем сказочных сюжетов Аарне-Томпсона, мы находим всего три коллизии столкновения мужика с медведем:

152. *Мужик, медведь, лиса и слепень*. Мужик «пежит» медведя раскаленным железом, ломает ноги лисе, втыкает солонинку в слепня. Звери клянутся ему отомстить, мужик заново их пугает (...)

154. *Мужик, медведь и лиса*. Мужик обманывает медведя при дележе урожая. Медведь хочет отомстить мужику. Лиса хитрыми советами помогает мужику избавиться от медведя. Вместо благодарности мужик награждает лису мешком, в котором спрятаны собаки. Когда лиса открывает мешок, собаки ее загрызают (...)

161. *Медведь-липовая нога*. Старик отрубает спящему медведю топором ногу. Медведь делает себе липовую ногу, ночью приходит в дом и съедает стариков...¹⁵

В пушкиноведении делалась попытка выявить в пушкинском повествовании аналог сюжета, изначально восходившего то ли к древним тотемным воззрениям, то ли к быличке-страшилке о медведе на липовой ноге¹⁶. Однако

¹⁴ Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987. С. 94–95.

¹⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Т. 3. М., 1957. С. 461–462.

¹⁶ См.: Тарланов Е. З., Савельева Л. В. Фольклорные традиции в поэтике «Сказки о медведихе» А. С. Пушкина // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1992. С. 120–123.

липовая нога у медведя — необходимый фабульный элемент сюжета АТ 161, запечатленный в песенке медведя: «Скрипи, нога, / Скрипи, липовая!» и проч.

О липовой ноге (как и о дележе урожая) у Пушкина и речи нет. Стало быть, наиболее вероятным (по методу исключения) продолжением его сказки могло быть следование озорному сюжету АТ 152. Он несколько варьировался по персонажам. В русской сказке говорилось о том, как мужик наказал медведя, лису и слепня. Медведь, позавидовав пегой мужижкой лошади, попросил и его «попезить» (сделать пегим). Спеленав зверя, мужик положил его в костер и выжег медвежьи бока и брюхо. Позже он переломал ноги лисе, решившей отведать молока, но застрявшей в кринке по горло. Ужалившему же слепню мужик воткнул в зад соломину. Собравшись все вместе, обиженные решили сообща наказать мужика¹⁷. В издании сказок Афанасьева скабрезная концовка этого сюжета, впрочем, была опущена:

Тотчас собрались и пошли на поле, где мужик убирал снопы. Вот стали они подходить; мужик увидал, испугался и не знает, что ему делать...¹⁸

На этом обрывался текст в каноническом издании, но в примечаниях составитель указал, что «с окончанием этой сказки желающие могут познакомиться в стихотворной ее переделке в Сочинениях Василия Майкова»¹⁹.

¹⁷ Ср.: «Непонимание зверем смысла человеческих поступков — источник комического (...) в сказке “Озорной пахарь” (АТ 152В*), где оно приобретает обценный характер (Вот сюжет об озорном пахаре в изложении С. Томпсона: “Горячим железом он делает узоры на боках волка, откручивает вороне ногу, втыкает слепню в зад соломинку; деревенская девка приносит ему завтрак, и он начинает с нею забавляться; волк: “он делает узоры на ее боках”; ворона: “он откручивает ей ногу”; слепень: “он втыкает ей соломинку в зад”»)» (*Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. С. 92*).

¹⁸ Русские народные сказки. Т. 1. С. 72.

¹⁹ Там же. С. 475.

Басня же В. Майкова «Крестьянин, Медведь, Сорока и Слепень» заканчивалась так:

...Хозяйка к мужичку обедать принесла,
 Так оба сели
 На травке и поели.
 Тогда в крестьянине от сладкой пищи кровь
 Почувствовала — что? К хозяйшке любовь;
 «Мы время, — говорит, — свободное имеем,
 Мы ляжем почивать;
 Трава для нас — кровать».
 Тогда — и где взялись? — Амур со Гименеем,
 Летали вокруг,
 Где отдыхал тогда с супругою супруг.
 О, нежна простота! о, милые утехи!
 Взирают из дерев, таясь, игры и смехи
 И тщатся нежные их речи все внимать.
 Была тут и сама любви прекрасна мать,
 Свидетель их утех, которые вкушали;
 Зефиры сладкие тихохонько дышали
 И слышать все слова богине не мешали...
 Медведь под деревом в болезни злой лежал,
 Увидя действие, от страха весь дрожал,
 И говорил: «Мужик недаром так трудится:
 Знать, баба пегою желает нарядиться».
 Сорока вопиет:
 «Нет,
 Он ноги ей ломает».
 Слепень с соломиной бурчит и им пеняет:
 «Никто, — кричит, — из вас о деле сем не знает,
 Я точно ведаю сей женщины беду:
 Она, как я, умчит соломину в зад»...²⁰

В народной сказке нет, конечно, ни амуров, ни зефиров: любовная сцена там изображена вполне натуралистично²¹.

²⁰ Майков В. Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 181–182.

²¹ «...и не знает, что ему делать».

Да потом надумался (мужик), схватил в охапку свою жену и повалил ее на полосу; она кричит, а мужик говорит:

Нас не должно удивлять присоединение к основному (так и неразвитому) сюжету дополнительных мотивов (убийство медведихи, плач медведя, сход зверей). «Эта соединяемость, — отмечает В. Я. Пропп, — внутренний признак животного эпоса, не присущий другим жанрам. Отсюда возможность романов или эпопей, которые, как мы видели, так широко создавались в западноевропейском средневековье»²². Тем более, что в нашем случае с самого начала выведены в качестве главных персонажей мужик и звери, что предполагает обогащение животного эпоса новеллистическими (анекдотическими) чертами. От анекдота в сюжете АТ 152 намечен эротический мотив, от животного эпоса — мотив неожиданного испуга зверей.

Однако зачин (описание гибели медведихи) задуманной Пушкиным сказки оказался по тону явно не соответствующим балагурной модели сюжета. Вообще-то «смерть в сказке о животных вовсе не вызывает скорби и печали (...) Классические сказки о животных демонстрируют то единство страшного и веселого, жизни и смерти, которое так хорошо знакомо по народным обрядам с их веселыми по-

— Молчи!

Да все свое: задрал ей сарафан и рубаху и поднял ноги кверху как можно выше. Медведь увидал, что мужик дерет какую-то бабу, и говорит:

— Нет, лиса! Вы с слепнем как хотите, а я ни за что не пойду к мужику!

— Отчего?

— Да оттого — посмотри-тко, вишь он опять кого-то пежит!

Вот лиса смотрела-смотрела и говорит:

— И точно, твоя правда, в самом деле он кому-то ноги ломает!

А слепень глядел-глядел и себе тож говорит:

— Совсем не то — он кому-то соломину в жопу пихает!

Всякой, знать, свою беду поминает; ну, адначе, слепень лучше всех отгадал. Медведь с лисой ударились в лес, а мужик остался цел и невредим» (Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. М., 1997. С. 28).

²² Пропп В. Я. Русская сказка. С. 311.

хоронами: смех тут нераздельно слит со смертью»²³. Так в процессе дополнительной разработки начального эпизода в сказке Пушкина появляется отсылка к скоморошине «Дурень». Но наряду с этим более подробно были описаны и «медвежатухи», а весь зачин сказки окрасился в лирические тона²⁴, что вступало в некоторое противоречие с намеченной общей комической фабулой. Может быть, потому работа над произведением и была оборвана в самом начале. Вместо этого Пушкин в Болдине обратился к сказочному сюжету о Балде — также озорному, но не несущему эротического, «соромного» содержания²⁵.

²³ Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. С. 86.

²⁴ Характерно, что пушкинская «Сказка о медведихе» «вызвала к жизни один из шедевров И. И. Шишкина — “Утро в сосновом лесу” (1889, медведи нарисованы К. А. Савицким)» (Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина. С. 48).

²⁵ Отметим также некоторые переклички со сказкой о мужике и зверях в болдинской «Истории села Горюхина»:

«Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашне), храбры, воинственны: многие из них ходят одни на медведя (...)» (VIII, 135).

«Жены оплакивали мужьев, воя и приговаривая — “Свет-моя удалая головушка! на кого ты меня покинул? чем-то мне тебя поминати?” При возвращении с кладбища начиналась тризна в честь покойника (...)» (VIII, 136).

«Поэзия некогда процветала в древнем Горюхине. Доныне стихотворения Архипа-Лысого сохранились в памяти потомства. В нежности не уступят они эклогам известного Виргилия, в красоте воображения далеко превосходят они идиллии г-на Сумарокова. И хотя в щеголеватости слога и уступают новейшим произведениям наших Муз, но равняются с ними затейливостью и остроумием» (VIII, 136—137).

Есть в горюхинской истории и намек на эротическое развитие сюжета сказки о зверях: «В. Сие болото и называется *Бесовским*. Рассказывают, будто одна полумная пастушка стерегла стадо свиней не далече от сего уединенного места. Она сделалась беременною и никак не могла удовлетворительно объяснить сего случая» (VIII, 134—135).